

п Р2
В75

В. Воробьев

БОЛЬШОЙ КРЮЧОК

В. Воробьев

БОЛЬШОЙ КРЮЧОК

Рассказы

*Пермское книжное издательство
г. Пермь — 1958 г.*

*Для детей
младшего школьного возраста*

Чрезвычайный сбор

— Ребята! Через два часа приходите на сбор, — объявил после уроков Коля Игнатьев, вожатый второго звена 6 «а» класса.

В ответ поднялся гвалт. Говорили все разом. Громче всех кричал Борис:

— Во-первых, я в кино иду!

— И я с тобой, — поддержал его Петя Семёнов.

— Во-вторых...

Коля поднял руку, но это не подействовало — ребята перечисляли свои неотложные дела. Тогда Коля достал из кармана записную книжку и стал читать:

— Две пробки к щитку, штепсельная вилка, дверной крючок...

Понемногу ребята притихли и, с удивлением поглядывая на Колю, слушали. А он продолжал:

— ...два метра электрошнура, два шарнира маленьких, изоляционная лента...

— Что это? Переучёт в магазине? — перебил было его Серёжа, но на него зашикали.

Коля продолжал:

— ...электрозвонок, кнопка к нему, пять метров провода, отвёртка, плоскогубцы, молоток... — И неожиданно закончил: — Я знаю, ребята, дома у каждого интересное дело есть. А сборы у нас неинтересные, скучные какие-то. Так вот, слушайте: я объявляю сегодня чрезвычайный сбор!

— Что за сбор? Почему чрезвычайный?

— Потом, потом узнаете, на сборе, на то он и чрезвычайный. Главное, не забудьте захватить инструмент и прочее...

«Придут или не придут? — размышлял Коля, идя домой. — Наверное, придут. Только вот Борис! Если ему дадут деньги на кино...»

Незадолго до шести часов вечера Коля пришёл в школу. Борис уже ждал его. В руках у него был свёрток.

Скоро собралось всё звено.

— За мной! — скомандовал Коля, и пионеры, кто со свёртком, кто с узлом, а кто и со специальным ящичком для инструмента, двинулись за своим вожатым. Вошли на школьный двор, пересекли его наискосок и остановились перед дверью домика Марфы Семёновны, уборщицы.

— Разрешите вопрос, товарищ вожатый? — подчёркнуто вежливо спросил Серёжа.

— Лучше я задам вопрос, — в тон ему сказал Коля. — Скажите, есть у данной двери ручка или нет таковой?

— Нет, — протянул недоуменно Серёжа.

— Итак, ручки нет, — отметим...

— Отметим, — разноголосо повторили ребята, заметно оживившись.

— Постучим? — предложил Коля.

— Постучим, — в один голос ответило звено.

— А что звонка нет — тоже отметим? — спросил

Борис, обращаясь ко всем.

— Отметим! — дружно и весело прокричали ребята.

Дверь открыла Нина — внучка Марфы Семёновны. Нину ребята хорошо знали: она училась в седьмом классе.

Девочка удивлённо разглядывала ребят.

— Здравствуйте, — сказал Коля, нахмураясь для солидности. — Разве Марфа Семёновна ничего не говорила о нас?

— Нет, ничего не говорила, — пожала плечами Нина, — но... вы заходите, пожалуйста, заходите.

— Айда, хлопцы! — пригласил Коля. — Кстати, обратите внимание, ребята, крючок-то на двери, как видите, того...

Действительно, с наружной стороны двери вместо крючка болтался обрывок верёвки, которую наматывали на гвоздь, вбитый в косяк.

— Известное дело, женщины, — сказал Борис.

Ребята огляделись. Им сразу бросилась в глаза особенная чистота и опрятность в доме. И тут же на аккуратно побеленной стене висели ходики. К их гирьке были подвязаны тяжёлый замок и ещё несколько разных железок.

На это забавное зрелище, конечно, первым отозвался Борис, известный в звене механик. Он подошёл к часам, хмыкнул и потрогал подвешенные железки.

— Тянут?

— Тянут... — немного растерявшись, ответила Нина.

— Вытянуть не могут, — продекламировал подвернувшийся тут Серёжа.

А Борис уже разворачивал свой свёрток с инструментами. Скоро все нашли себе дело. Толя занялся дверкой старенькой тумбочки без петель. Петя облюбовал репродуктор. Он как раз захватил с собой штеп-

сельную вилку и кусок плотной бумаги. Прежде всего он стал вырезать из бумаги новый рупор, вслух удивляясь:

— Как это люди могут слушать такое дребезжание?

Серёжа, забравшись на стул, поставленный на кухонный стол, вдруг радостно объявил:

— Честное слово, первый раз вижу такие предохранители. Смотрите! — Он бросил на пол маленькие кусочки какой-то проволоки. — Скорее уличные провода сгорят, чем эти предохранители сработают.

Коля убедился, что в его руководстве сейчас никто не нуждается, и немедленно приступил к установке самодельного электрозвонка.

Первым захотел продемонстрировать свою работу Сергей.

— Внимание, даю свет, — провозгласил он и повернул выключатель. Но... света не было. Ребята рассмеялись. Серёжа снова повернул выключатель. Свет появился на секунду и погас, вновь мелькнул и погас.

— У нас выключатель что-то... — пожаловалась Нина.

— Конечно, выключатель! — обрадовался Серёжа. — Я сейчас, один момент! Пospешишь — людей насмешишь, — сокрушенно заявил он и стал разбирать выключатель.

Скоро всё было готово, и Коля сказал, вытирая руки:

— Сбор считаю законченным.

— Спасибо, ребята, большое спасибо, — благодарила Нина, — и... пожалуйста, идите сюда мыть руки.

Ребята толпились около умывальника, когда громко застучали в дверь.

— Это бабушка! — воскликнула Нина и бросилась открывать.

— Пстой! — закричал Коля и схватил её за руку. — Подожди. Ведь звонок...

— Эх, темнеет уже, — заволновались ребята. — Не увидит она кнопки.

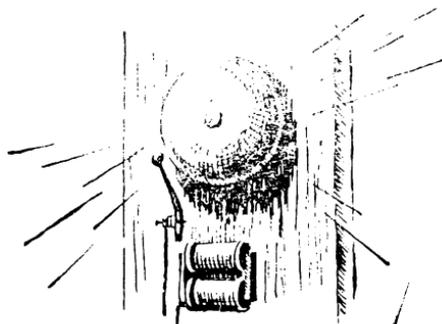
В дверь снова застучали.

Нина сделала шаг к двери и остановилась. Потом взглянула на ребят и шагнула ещё.

— Я скажу ей, чтоб она там позвонила. Ладно, ребята?

И вдруг обрадованно залился, затрезвонил звонок.

— Увидела! Ур-ра! — закричали ребята и вместе с Ниной побежали в сени открывать дверь Марфе Семёновне.

Пришли на рассвете к реке Костя и дедушка Егор. Закинули удочки и ждут, когда рыба клевать станет.

Дедушка Егор ждёт терпеливо. Сидит — не шелохнётся. А Косте не терпится скорее поймать — то сядет, то привстанет и всё дедушку спрашивает:

— Да скоро ли клевать будет? И почему это рыба сегодня не ловится!

Тихо утром на реке. От воды лёгкий пар идёт. Камыш сонно покачивается, будто дремлет ещё. А солнышко всё выше и выше поднимается. Сначала вода была розовая, потом голубая, а сейчас зеленоватая стала — это зелёный камыш в ней отражается.

Не шевелятся поплавки удочек. Не клюёт рыба. Надоело Косте ждать, вынул он из воды свою удочку и говорит:

— Нет, дедушка, не ловится большая рыба, лучше я другой крючок привяжу — самый маленький. На него всегда рыба ловится — много!

И правда, только Костя закинул удочку с червяком на маленьком крючке — сразу поплавок запрыгал, запрыгал на воде. Потянул Костя удочку.

— Есть! — кричит. — Смотри — поймал!

Блестит на солнышке пойманная рыбка. Костя радуется — опять закидывает.

Вот опять поплавок на воде затанцевал. Ещё вытаскивал Костя рыбёшку. И пошло, и пошло...

Уже с полкотелка плотичек и пескарёй наловил Костя, а у дедушки ещё и не клюнуло ни разу.

— Отвяжи, дедушка, большой крючок, — кричит Костя, — видишь, как на маленький здорово ловится!

— Нет, — говорит дедушка, — я подожду. Я терпеливый. Только вот не шуми, пожалуйста, — просит он Костю. — Нельзя на рыбной ловле шуметь. Рыбу распугаешь.

Вдруг поплавок дедушкиной удочки дёрнулся, ещё раз и ещё... Бросил свою удочку Костя, подбежал к дедушке и шепчет ему горячо:

— Тащи, тащи скорее.

— Нет, рано ещё, — отвечает дедушка.

— Какой ты! Уйдёт ведь рыба!

— Потерпи, Костя. Не мешай.

А поплавок всё попрыгивает, мелкие круги от него по воде во все стороны идут.

Вдруг поплыл, поплыл в сторону. Это рыба повела.

— Ну, тащи же скорее, тащи, — шепчет Костя в ухо дедушке.

— Экий ты комар, право! — отмахивается от него дедушка. — Рано ещё. Потерпи.

Какое там! Приплясывает от нетерпения Костя, руками машет и твердит:

— Тащи, тащи!

Поплавок исчез. Словно и не было его. Так быстро нырнул под воду.

— Вот теперь пора! — сказал дедушка и с этими словами дёрнул удилице в сторону и вверх — так рыбу подсекают.

Согнулось удилице в дугу, лёска натянулась туго-туго, будто крючок на дне за что-то зацепился.

— Скорее тащи к берегу, скорее! — уже во весь голос кричит Костя и хочет тоже за удилище ухватиться — помочь.

— Потерпи, потерпи, Костя, — говорит дедушка.

Костя даже сел на песок и в отчаянье руками за голову схватился.

— Да чего ещё-то терпеть?! — говорит он, чуть не плача.

— Рыба лёску оборвать может. Потихоньку надо к берегу подводить.

Костя вскочил и опять вокруг дедушки суетится.

— Любишь ты это своё — «потихоньку-полегоньку»... Ой, ушёл! — вдруг отчаянно закричал Костя, когда увидел, как удилище сразу распрямилось, а лёска ослабела. — Говорил я... — начал было хныкать он.

Но нет. Снова натянулась лёска, и видно стало, как близко к берегу подвёл дедушка рыбу.

— Давай сачок, — скомандовал дедушка.

Костя увидел сначала, как что-то огромное, блестящее, будто медный таз, сверкнуло у поверхности воды, потом один миг — и дедушка Егор вывалил на берег огромного сазана.

Рыбина тяжело поводила жабрами и хватала круглым мясистым ртом воздух.

Костя и сам тяжело дышал — умаялся.

А дедушка не спеша, посмеиваясь, набивает трубку и говорит:

— Ну, давай твой котелок, Костя, положим туда рыбку...

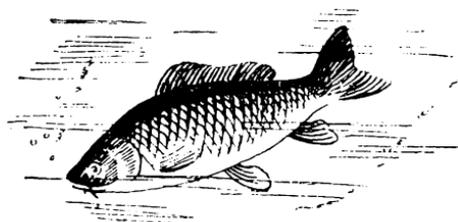
Костя понимает, что дедушка смеётся, — куда там в котелок, туда и голову этого сазана не поместить, не то что...

Солнце тем временем припекать стало.

— Искупаться с горя надо, — сказал Костя и стал

раздеваться. — Напрасно я, дедушка, большой крючок отвязал, а то бы тоже...

— Крючка мало, — закуривая, ответил дедушка Егор. — Терпенье нужно. Оно всякому делу самый большой крючок.

На охоте

Однажды вечером дедушка Егор сказал:
— Видел я диких уток на пруду. Пойду завтра на охоту.

Костя тут как тут.

— А я?

— Маленький ты ещё.

— Что ты! Я большой уже!

И стал Костя упрашивать: возьми да возьми с собой.

— Ну ладно, — сказал дедушка. — Только уговор: встать надо до зари. Я тебя будить не буду и бабушке не велю. Если проспишь, значит ты ещё маленький.

— Ладно, — согласился Костя и поскорее в постель лёг. «Как бы не проспать, как бы не проспать», — думал он в кровати. И уснул.

Спал Костя, спал и вдруг слышит: «Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!» Громко. Костя проснулся. А как проснулся, так сразу всё вспомнил.

— Дедушка! — закричал он. — Где ты? Не ушёл?
В комнате ещё темно было.

— Здесь я, — слышит Костя. Теперь он уже и сам разглядел: дедушка сидит на скамейке и сапоги надевает. Кряхтит, охает.

Костя прыг с постели. Поскорее оделся и говорит:

— Я готов. Идём!

— Неумытый? — спрашивает дедушка.

Костя наскоро умылся — и к двери. Но ещё пришлось куртку да кепку надеть.

— На заре, брат, всегда прохладно, — объяснил дедушка.

Снял он ружьё со стены, патронташем опоясался. Вышли, наконец, они на улицу.

Ни темно, ни светло. Ночь кончилась, а утро ещё не наступило. Серееет.

— А и вправду холодно как! Отчего это? — спросил Костя, поёживаясь.

— Земля за ночь остывать стала. К осени, брат, дело.

До пруда было недалеко.

Когда пришли, Костя увидел: пруд совсем не такой, как днём. Камыш стоит чёрный. Вода серая, и от нее холодом веет.

Дедушка с Костей под куст спрятались. Это чтобы их утки не заметили. Вот немного погодя край неба будто загорелся. Сразу полоска леса обозначилась вдали. И вдруг Костя увидел: красный мячик стал подниматься из-за леса.

— Солнышко встаёт! — крикнул Костя.

— Тсс! — сердито проворчал дедушка.

Ветерок пролетел... И камыш, вторя дедушке, прошептал: «Тшш...» От солнышка через весь пруд красная дорожка протянулась. Опять подул ветерок. Красная дорожка затрепетала на волнах. А в камышах какая-то пичуга запросила: «Пить-пить...» Вдруг над прудом раздался громкий свист крыльев... Над водой летели большие серые с длинными шеями птицы.

«Утки», — только успел подумать Костя.

Бум-м! Грянул выстрел. Костя вздрогнул и вскочил на ноги. Дедушка тоже стоял. Он держал в руках ружьё. Легкое облачко дыма уплывало в камыш. Костя всё же успел заметить: убитая утка с плеском упала в воду. Совсем рядом. У берега.

— Есть! Попал! — закричал Костя. Он приплясывал, хлопал в ладоши. И всё кричал:

— Попал!

Дедушка вошёл в воду. Здесь было мелко. Он только зачерпнул немного воды в сапог. Но утку всё-таки достал и дал её Косте.

— Всё, брат. Больше не прилетят. Распугали. Можно и домой отправляться.

Костя вдоволь налюбовался уткой. Потом он подвесил её к поясу. Так охотники делают.

— Дедушка, давай скажем, что утку я убил. Ладно?

Дедушка не ответил.

Солнце уже высоко поднялось. Теперь оно было не красное, а как всегда, как днём. Смотреть на него было больно глазам. И всё вокруг изменилось. Камыш больше не казался чёрным. Красная дорожка на воде пропала. На её месте танцевали солнечные зайчики. Все птицы давно проснулись. Они громко распевали разными голосами. Ни за что не разберёшь, которая про что поёт.

Дедушка с Костей шли домой. Утка болталась у пояса и мешала Косте идти. Но он терпел. «Вот бы кто-нибудь навстречу попался», — мечтал Костя. — «Подумают — это я убил утку. Ай да Костя! — скажут».

Но никто не попадался навстречу.

Дома их встретила бабушка.

— Вот! — сказал Костя и с гордостью показал ей на утку.

— Ну, это, конечно, Костя убил, — сказала бабушка. — Дедушке-то где же. Старый он стал.

Дедушка с ружьём стоял на пороге и смотрел в пол. Костя обернулся, взглянул на него и вздохнул:

— Нет, бабушка, не я убил. Мы вместе. Правда, дедушка?

— Вот это правда, — весело откликнулся дедушка. — Вместе!

У нас в доме живёт пёс Дружок.

Он весь чёрный, мохнатый. Одно ухо у него торчит всегда вверх, а другое висит. И язык, длинный и красный, свисает набок, когда жарко. А глаза чёрные, круглые, их почти не видно — шерстью заросли.

Все ребята нашего двора очень его любят, потому что Дружок весёлый. Ему только крикни: «Дружок!» — он тут как тут. Хвостом виляет и в глаза смотрит. Так и кажется: вот-вот спросит: «Во что играть будем?»

Но говорить он, конечно, не умеет, а играть может. Мы все прячемся кто куда, Дружок бегаёт по двору и нас ищет. Когда найдёт кого-нибудь, то громко-громко начинает лаять. Глаза у него тогда злые делаются и шерсть дыбом. Но мы его не боимся, потому что знаем: Дружок ведь играет только. Теперь Дружок нас сразу находит. Наверно, потому, что узнал, где мы любим прятаться.

Однажды мы пошли на речку купаться. И Дружка с собой взяли. Нужно нам было на другую сторону

речки перейти. Мы всегда там купаемся, потому что тот берег песчаный.

Очень приятно на горячем песке поваляться.

Только смотрим: что это? Дружок не идёт за нами в воду.

— Дружок! Дружок! — зовём мы его. — Идём, Дружок, здесь речка мелкая.

А Дружок сел у самой воды — и ни с места. Только на нас жалобно смотрит и повизгивает.

Он ещё никогда не был на речке — боится.

— Так ведь это для нас мелко, — сказал Вова, — а ему — с головкой. Надо Дружка плавать научить.

— На том берегу будем учить, — сказал я. — А пока перенесём его на руках.

Хотел я схватить Дружка, а он прыг от меня. Вова его попробовал схватить в охапку, а Дружок и от него отскочил. Стали было Дружка ловить, да разве его поймашь? Мы и во дворе никогда его не могли поймать. А тут он как принялся носиться по берегу. Лает — заливаётся. Думал, наверное, мы это играем с ним. Устали мы за ним бегать.

— Пусть тут остаётся, — сказали ребята. — Мы не виноваты, что он такой глупый.

Перешли мы речку, искупались и стали в песке валяться. Вдруг слышим, кто-то кричит:

— Ральф, назад! Ральф, ко мне!

И сразу же перед нами огромная рыжая собака появилась. Шерсть у неё мокрая, глаза злющие. Мы лежим, не шевелимся. Так всегда надо делать — не шевелиться, чтобы собака на тебя не кинулась. Страшно всё-таки — вдруг кинется? А собака припала к земле и ну на нас лаять: «Р-разорву, р-разорву, мол, я вас».

Какой-то чёрный лохматый ком заслонил нас от собаки. Мы даже не сразу сообразили, что это наш Дружок напал на рыжую собаку.

Они сцепились в клубок и рыча покатались по песку. Только мелькали белые клыки, да пучки чёрной и рыжей шерсти летели во все стороны.

В это время подбежал незнакомый дядя в белых брюках. Он ухватил за ошейник свою рыжую собаку, а Дружка хотел ударить ногой. Тут мы опомнились и бросились к нему, громко крича:

— Не смейте бить Дружка! Ваша собака первая на нас напала.

— Разберёшься тут, кто первый, — ворчал дядя, оттаскивая рыжую собаку. — Никого из вас она не укусила, ребята?

— Нет, — говорим, — не успела.

— Вот и хорошо, — обрадовался он и, крепко придерживая за ошейник свою собаку, ушёл от нас.

Мы тоже держали Дружка за шею и за лапы, потому что он ещё рычал.

Потом мы стали обнимать и гладить Дружка.

— Как же это он тут очутился? — удивлялись ребята.

— Вот здорово! И воды не побоялся, и плавать научился.

— И большой собаки не испугался, — хвалили мы Дружка.

— Это он чтобы за нас заступиться, для дружбы.

— Недаром мы его Дружком назвали!

Кто кого испугался?

Вот как было дело...

Сидел я поздно вечером дома один, потому что папа и мама эту неделю во вторую смену работали. И должен был я сидеть до половины первого ночи, то есть я должен был спать, но я сидел и читал книгу «В дебрях Уссурийского края».

Мне захотелось по карте посмотреть, где это всё происходит, про что в книге говорилось.

У нас большая старая карта Советского Союза есть. Она в сенях на шкафу лежала.

Вышел я в сени, а там темным-темно — лампочка недавно перегорела. Ну, нащупал я в углу столик, придвинул к шкафу, залез и шарю в темноте. Помню, что карта, свёрнутая в трубку, здесь где-то лежит, а под руку всё папки какие-то попадают, книги...

И вот кажется мне, что около меня ещё кто-то есть. В темноте часто так кажется. Я знаю. И всё-таки неприятно. Ну, шарю и вдруг слышу, будто кто-то рядом чихнул тихонько. Я даже замёрз сразу. И ведь знаю, что никого не должно быть сейчас, потому что сени

были заперты. Были... Вот то-то, что были, а сейчас... Кто его знает?

Вдруг кто-то опять, теперь у самого моего лица: «Фырк — чхи!»

Эх! Я как заорал, стол покачнулся, грохнулся я на пол и сам не помню, как в комнате очутился. Наш кот Васька за мной пулей влетел. Я дверь на запор...

«Кто это, — думаю, — там? Кто?»

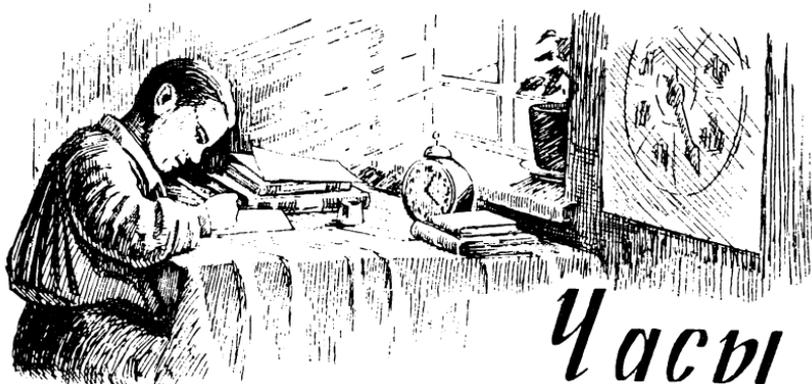
Смотрю, Васька стоит посреди комнаты, спину выгнул дугой, хвост крючком изогнул и тоже в страхе на дверь смотрит.

— Кись-кись, — говорю. — Ты чего, дурак, испугался? Со мной не пропадёшь!..

Нарочно громко говорю, чтоб там, за дверью, слышали.

А Васька сел, взглянул на меня и... чихнул.

Часы

Многие ребята только притворяются весёлыми. Я знаю — сам такой был.

Ну, двойку получил, вроде беда небольшая, а всё же... А если ещё двойка? Вот тут уже улыбаешься только для вида... Или родителей вызывают в школу. Тоже радости от этого мало. Но, конечно, виду не подаёшь.

И вот однажды дома забыл я притвориться. Сажу за столом невесёлый, а брат Сергей (он уже в девятом классе учится) спрашивает:

— О чем задумался, старик?

Это он тоже вроде шутит, а я вижу — он взаправду обо мне беспокоится.

— Да вот... — говорю.

И всё рассказал...

Подумал Сергей и спрашивает:

— Хочешь, всё переменится, и даже скоро?

Я только рукой махнул.

На другой день прихожу из школы, смотрю — часы висят над моей кроватью! Самодельные какие-то. Разрисованные. Циферблат у них большущий — с тарелку, и стрелка одна. Подхожу поближе — не ти-

кают. Стрелка у них показывает туда, где на настоящих часах цифра четыре. Только здесь вместо цифры нарисовано, как я сижу и обедаю. Где должно быть пять — тоже я: на коньках мчусь, и даже золотые искры кверху взлетают. Вместо шести — опять я за столом. Кругом меня книги, книги. На одной можно даже прочитать «Арифметика». Понятно — это я уроки делаю. Где быть десяти — я умываюсь; вместо цифр одиннадцать, двенадцать и дальше нарисована длиннющая горбатая кровать, я на ней, тоже длинный, сплю.

Тут скоро и Сергей пришёл — кивает на часы.

— Ничего, — говорю. — А зачем?

— Увидишь. Только уговор — стрелку каждый час будешь передвигать сам, что она показывает — выполнять.

Сели мы обедать. Сергей мне настоящие часы показывает: на них ровно четыре часа. Взглянул я на наши, а стрелка показывает на картинку, где я обедаю. Выходит, что пока всё правильно идёт — выполняю указание.

После обеда взглянул на часы — пять. Тогда и на наших стрелку передвинул. Показывает теперь она, как я на коньках катаюсь.

— Хорошие часы сделал ты, Серёжа! — кричу я ему. Схватил коньки и побежал выполнять.

На улице я про часы забыл, а когда меня домой позвали, пришёл, смотрю — Сергей улыбается, а на наших часах стрелка показывает, как я за книгами сижу.

«Ладно, — думаю, — выполнять так выполнять». И занялся уроками.

Потом хотел я «Таинственный остров» дочитать, — немного осталось, но Сергей на часы кивнул на настоящие и на наши. На настоящих часах было десять. Перевёл я стрелку и у наших. Показывает она, как я

умываюсь, а дальше и вовсе — длинная-длинная кровать. Что ж, пришлось умыться и лечь спать.

Так и повелось.

Только по воскресеньям часы стояли. Делай что хочешь!

И как-то так вот получилось, что и в самом деле я весёлый стал, потому что всё у меня хорошо: двоек нет, родителей в школу не вызывают. Даже в туристический кружок приняли.

А вчера я повесил наши часы над кроватью Сергея, потому что вижу: он что-то невесёлый ходит.

СОДЕРЖАНИЕ

Чрезвычайный сбор	3
Большой крючок	8
На охоте	12
Дружок	16
Кто кого испугался	19
Часы	21

Владимир Иванович Воробьев

БОЛЬШОЙ КРЮЧОК

Рассказы

Редактор *Т. А. Шлыкова*

Художник *Г. Д. Петухов*

Художественный редактор *М. В. Тарасова*

Технический редактор *Н. Г. Неудакина*

Корректор *А. И. Плешков*

Подписано к печати 5 июня 1958 г.
Формат 60×84¹/₁₆ 0,75 бум. л. 1,5 печ. л. Уч.-изд. 1,06 л.
Тираж 25 000 экз. Цена 40 к.

2-я книжная типография Облполиграфиздата.
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 367.

Цена 40 коп.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. ПЕРМЬ — 1958 г.